

Фото
из личного архива

Николай Байбуза

Щепки ВОСПОМИНАНИЙ

Зачем я пишу о том, что интересно только мне, да еще и делюсь этим с дорогими для меня читателями, отвлекая их от более важных дел? Не знаю.

Вероятно, атомарное чувство социалистического коллективизма (стадность?), приучило — с детства! — делиться и тетрадками, и конфетками.

Да и если «стадо» не свиней — что же в этом плохого?

Мудрецы давно поняли: сказанное неожиданно — это и есть истина. А когда тебя корежит прошлое и добивает настоящее — уместно ли своей болью делиться? Но ведь радость была тоже. Радость — и в кульке карамелек, и в щенке за пазухой. И...

Словом, начну я собирать свои «щепки» с первой моей радости, которая запомнилась на всю мою жизнь. Не обессудьте, дорогие читатели, со мной неотвязно милые банальности: родной дом, печка, мама, отец, школа, снег... Мне без этого — никак.

ЛАСТОЧКА

Маме

Птичка лежала на земле. Я удивился: я — к ней, а она не взлетает.

Ласточка была мертвой. Я заплакал. Мама появилась неожиданно и, видя меня плачущим, стала утешать: «Сынок, не плачь, ее молния ударила. Вот мы ее закопаем в землячку, она полежит ночь, а утром улетит». Я не поверил.

Ласточку закопали, воткнули палочку, чтобы утром найти могилку.

Сколько надежд каждый из нас пережил в своей жизни! Не сосчитать. Но самые первые, детские, будут помниться нам всегда, вызывая в минуты горьких размышлений улыбку или слезы. Ждал и я.

Солнце сияло над соснами, ласточки метались в небе, а я бежал к той ласточке, в ямке, под кленовой палочкой. Заплакал, но... Ямка была пуста, ласточки не было! Ожила! Ожила моя птичка! А на крыльчке улыбалась моя мама.

Улыбайся, улыбайся, мама, ожила наша ласточка.

ХОТТАБЫЧ

Уроки математики мы, 8-й «Б», не любили. Любили историю, редко — литературу.

Школа наша возникла во времена первоцелинников, коллектив педагогов молодой, поэтому, вероятно, до любви к учителям, мы еще не доросли.

Мы, не видевшие еще ни скрипачей, ни художников, ни актеров, росли дикоросами, сами по себе, пропитываясь той средой, которая, увы, была не всегда этически стерильна. Много лет спустя я часто вспоминал слова Анны Андреевны Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора...»

Наш сор мало чем отличается от прочего, исключая, конечно, арбатские и прочие столичные места.

Итак, день математики. В класс входит новенький учитель, контрастно отличающийся от нашего Николая Михайловича по кличке Палкин. У новенького — прекрасный синий костюм, а на руке изумительной красоты часы «Кировские».

Николай Байбуза
родился в 1946 году
в Барнауле. Первые стихи
опубликовал в краевой
газете «Молодежь
Алтая». В конце 1980-х
переехал в Саратов,
где прожил двадцать
пять лет, там же
вступил в Союз
писателей России.
Десять лет руководил
областной поэтической
студией «Азъ».
Издal пять книг
стихотворений
на Алтае, в Поволжье
и Москве.

А мы продолжали звереть: разговаривали, хихикали, мычали, не открывая рта...

Галка по кличке Смиха, давась глупым смехом, крикнула: «Хоттабыч, начинай свою сказку! А где твой Волька?»

Учитель взял стул и поставил его посреди класса. Мы притихли: что это с ним?

Глуховатым спокойным голосом он начал говорить:

— У меня друга расстреляли. Расстреляли на войне.

Расстреляли за то, что плохо знал математику.

Мы начали переглядываться. Замолчали.

А учитель продолжал:

— Друг мой неправильно рассчитал угол прицеливания, по которому должна была стрелять наша батарея. Пушки ударили по своим. Погибли наши. Мы, старики, уйдем, а вы... Как вы будете жить, плохо зная математику?

Урок прошел в академической тишине. Восьмой класс «Б» укротил человек, сам прошедший через смерть. Не крича, не грозясь выгнать нас из класса. Он, не случайный учитель, нашел, чем нас вернуть к человеческим отношениям. Позже многие из нас услышали, что такое дидактика, педагогика, дифференциация и индифферентность, но тот день просветления в памяти остался.

«Мы, старики, уйдем, а вы? Что будет с вами?»

УЛИЦА НИКИТИНА, ДОМ 143

...Распахивались ворота, и во двор въезжали кони, да какие! Кони были красоты библейской: сами золотистые, а гривы и хвосты — белые. Мы, городские мальчишки, видели их впервые, мы были пятилетними.

Кони, потряхивая гривами, дымилась на морозе недолго, их быстро выпрягали из саней, накрывали попонами и вводили в амбар, черный и большущий. Нам с моим другом Вадиком, окоченевшим от холода, не хотелось уходить домой, ждали, когда соседка бабушка Васильевна позовет нас в свой полуподвал, погладит наши головы, перекрестит нас и нальет душистого травяного чая. Стены ее просторного полуподвала были увешаны иконами, разными: большими и маленькими, светлыми и темными от времени; святые глядели на нас, не мигая...

Мужики снимали свои гигантские тулупы, садились к столу и начинали разговор с непонятными для нас словами: падера, подпруга, овес, выручка, баранина...

Не раз, приезжая в Барнаул, гулял я и по родной мне Никитинской улице, подходил к воротам дома своего, трогал ручку калитки, вспоминая своих прекрасных соседей. Того дома больше нет, ни ворот нет, ни амбара. В нем, перестроенном, живут другие люди, но, узнав, что и я жил в этом доме, позвали и угостили чаем. Конечно, чай был по-сибирски вкусным, а люди — добрыми.

Память, память моя! Спасибо, что нет в тебе зла, которое было в жизни, нет зависти, которая окружала и не один раз. В памяти моей: кони, сияющая упряжь на них, снег, сани, иконы полуподвала бабушки Васильевны. Помнится плач всего дома в день смерти Сталина. Помнится мат соседа дяди Вани, патефон и песня «Коля-Коля, Николай, сиди дома не гуляй». Дрожь дома, когда по улице гроыхали танки, идущие на полигон, — тоже помнится. А надо всем этим — крест православного Покровского собора, который выше всего

в округе и виден далеко. Жизнь продолжается — радуя, удивляя, возмущая и одаривая.

А что еще надо? Выбора нет, живем. Живите, живите дальше, люди! Живите долго и заметно!

ЛИЦА И МАСКИ

Театр — это ад и рай вперемешку.

Так мне показалось.

Ад — когда нет ролей; когда старость напоминает о себе заметней и заметней; когда режиссер предлагает покинуть театр.

Рай — когда есть роли, есть признание и рецензии в периодике; когда увеличивают зарплату, присваивая почетное звание, и награждают новой квартирой.

Актерский труд тяжел и неблагодарен. Даже признание твоего труда на сцене не дает особого утешения: нервы горят и горят.

А вот люди в театре — каждый актер — поэма.

Этот парадокс не поддается логике. В искусстве логики нет, есть чувство. Вот один из примеров.

Моя мастерская художника-декоратора в театре имела балкон, с которого мне были хорошо видны и зрительный зал, и сцена.

Итак — репетиция.

Диалог режиссера и актера.

— Вы поняли что играть?

— Понял.

— А почему играете какую-то отсебятину?

— Я не согласен, что отсебятина.

— Вас никто не заставляет так считать. Играйте то, что положено.

— А что — положено?

— Я же говорила — что. Ваша роль не героическая, вы понимаете? Вы здесь не герой, оставьте ваши амбиции до другого раза, вам понятно?

— Но в прошлую репетицию вы говорили, что я — смутьян. Забыли?

— Смутьян не герой, а смутьян. Он будет наказан за свою строптивость.

— Ничего не понимаю!

— Делайте то, что вам говорят!

И так годами. Образ — вымысел, а жизнь настоящая и безвозвратная. Особенно грустно было видеть смену труппы. Приехал целый курс выпускников саратовского училища. С гордым видом шествуя по театральным паркетам, они снисходительно поглядывали на «старичков».

Новый главный режиссер не уставал повторять, что они приехали строить новый театр. Конечно, ничего они не построили. Остались портреты в фойе — и все. Говорить — не сделать. Помнится многое объясняющий случай.

Театр ждал на гастроли Иркутский ТЮЗ.

Влетает ко мне в мастерскую завпост:

— Быстрей, к обеду надо сделать обязательно!

Читаю задания, одно из которых — на большем транспорте написать: «Скатертью дорожка!»

Удивляясь, говорю:

— Так говорят выпроваживая, а не приглашая с добром.

Примчался главный:

— Вы что себе умничаете?! Делайте, что вам сказали.

Говорили, что иркутяне были в замешательстве от такого «приветствия» на барнаульском перроне, но возмущение оставили в себе. Сегодня театр — другой. Внешние эффекты заметней мыслей. ■